

М.Р. Казиты

ПЕСНЮ ОСТАВИТЬ ПОТОМКАМ: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР НАФИ ДЖУСОЙТЫ М.Р. Казиты

Аннотация. В статье рассматриваются основные идейно-художественные аспекты творчества Нафи Джусойты – прежде всего поэзии и прозы. На обширном материале выявляется специфика его образности и художественного мышления.

Ключевые слова: лирика, лирический герой, образ, проза, осетинская культура, традиция, художественный перевод.

Народная мудрость гласит: «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь». Но и народ – живые люди. А человеку, к сожалению, свойственно ошибаться. Поговоркам не всегда можно верить.

К такому мнению можно прийти, думая о жизни и творчестве на сегодняшний день самого известного осетинского писателя, ученого и общественного деятеля Нафи Григорьевича Джусойты. В жизни Осетии, особенно в осетинской словесности, не проходит ни одно значимое мероприятие, где бы обошлись без ценных наставлений уважаемого Нафи Григорьевича. А это уже говорит о многом. Он за двумя зайцами не гонялся. Но разные проблемы Осетии своевольно легли на его плечи, и от имени наших предков он имеет полное право сказать с гордостью:

*О родина моя, как ты мила!
Любовь к тебе мне вновь диктует строки,
Что из груди летят не как сороки,
А словно из хлебов перепела.*

*Я был бы без тебя бескрылой птицей,
Молчаньем высохшего родника,
Я был бы без тебя пустой глазницей
И ножнами, в которых нет клинка
(«Слово о родине», пер.
Я. Козловского) [15, с. 71].*

Слова, рожденные в его сердце и уме – всегда пронизаны любовью и мудростью. И это дает возможность исследователям его многогранного творчества говорить с пафосом. Для лауреата государственной премии, талантливейшего писателя и ученого, профессора, борца за осетинские идеи Шамиля Джикаева он – «борец» («тохгæнæг») [21, с. 5]. Лауреат государственной премии СССР, народный писатель Кабар-

дино-Балкарской Республики Кайсын Кулиев был восхищен его талантом и мужеством [27]. Писатель и профессор, доктор филологических наук Алим Теппеев гордится им. Он для него «один из вожakov крылатой стаи журавлей кавказской духовной культуры, аланский всадник, воплотивший в себе и мудрость веков, и отчаянный рывок горцев к постижению высот мировой культуры. Рядом с ним всегда хорошо и надежно» [32].

Такие цитаты из произведений многих знаменитых ученых и писателей можно приводить и приводить – и похвальных (сам Нафи Григорьевич их называет «похвальные слова Фомы Смыслова!») [26], и критических, но, думаю, в данное время в этом больше нет смысла. Но нельзя не отметить, что мужество и страсть в его душе рождаются от любви к народу, от любви к Родине. Перед ними, как и полагается настоящему мастеру художественного слова и патриоту, чувствует себя должником (не зря мечтал великий Коста: «...если б народу родному мне долг оплатить удалось...»), и это не дает ему покоя. Он постоянно думает о своем сыновнем долге перед ними:

*Сын хороший весть о добром сне
Матери подарит на рассвете.
Чем же, люди, одарить вас мне,
Пред горами отчими в ответе?*

*Вашу храбрость я ношу в груди,
И, кровавых судеб отпечатки,
Мне не чужды,
как их не суди,
Ваши нравы, думы и повадки.*

*Жизнь отлична от небытия
Битвами, движением и словом.*

Казиты (Казиев) Мелитон Резович – кандидат филологических наук, доцент кафедры осетинской литературы ЮОГУ им. А. Тибилова, сопредседатель Союза писателей Осетии (g.dzebyson@mail.ru).

*Вашу радость встречу песней я,
А печаль – молчанием суровым
(«Чем же, люди, одарить мне вас?»)* [11, с. 5].

И то, что поэт радость народа встретит песней, «а печаль – молчанием суровым», и историю нашего народа видит в протяженности веков и знает, что «жизнь отлична от небытия битвами, движением и словом», помогает ему суть ее выносить на обозрение его многочисленных читателей. Мы все это видим наяву.

Нет ничего трудней, чем с честью нести имя человека и поэта. Ибо это означает – всегда быть начеку: адский труд. В этом смысле «Разговор с горой» многое проясняет:

*– Скажи, в чем трусости примета? –
Я у горы спросил, и мне
Гора ответила на это,
Раздвинув тучи в вышине:*

*– Зерна не вырастит, кто робок,
Когда окрест сплошной гранит.
Кто, стоя с женщиной бок о бок,
Клинком в ножнах*

врагу грозит.

*Кто ослеплен, но к дому тропок
Во мраке дня не проторит.*

*– Скажи, в чем храбрости примета? –
Я у горы спросил, и мне
Гора ответила на это,
Раздвинув тучи в вышине:*

*– Кто храбр, клинок, а не угрозы
Обрушит грозно на врага,
Кто храбр, себе оставит слезы
И пир друзьям у очага.*

Так поэт от имени горы – символа твердости и непреклонности – формулирует нравственные требования к современнику:

*А если в поле косовица
Торопит истинных мужчин,
Ему в ауле не сидится,
Хоть пуст рукав его один.*

Я у горы спросил:

– А если

*Иной поведать правду в песне
Боится, хоть и побил час? –*

Гора ответила на это:

– Ужель подобного поэта

Смог обрести уже Кавказ? [11, с. 31–32].

Первые литературные пробы Нафи Джусойты относятся к тому времени, когда будущий писатель учился в средней школе. Но, как поэт, встал на ноги в годы Великой Отечественной войны. В этом ему помогла русская классическая и военная поэзия. Х.-М. Дзудцати справедливо отмечал, что молодой поэт, опираясь на них, искал свой индивидуальный поэтический голос [25, с. 189].

Первое стихотворение поэт опубликовал в журнале «Фидиуæг» (№ 4 в декабре 1945 года). Он относится к тому поколению осетинских писателей, которые боролись за освобождение Родины от фашистских захватчиков, а также – за развитие осетинской художественной литературы. Война принесла ему не только страдание, но и научила будущего писателя и ученого суровой и беспощадной правде, которая понадобилась ему в художественной литературе для высокого накала слова. Гафез о Нафи Григорьевиче говорил: «Война учит его суровой и беспощадной правде, высокому эмоциональному накалу стиха» [6, с. 159].

В его сознании – Великая Отечественная война, а в сердце – родной уголок остались навсегда:

*Не на войну иду, покинув отчий край.
Когда я возвращусь к нему? В какую пору?
В горах шумит трава,
и слышен птичий гай,
И вестница пчела летит в родные горы.*

*О чем она поет – пчела моя? О чем?
О том, что ждет меня
в чужом пиру похмелье?
И не горит роса под утренним лучом?
И солнце поутру не вышло из ущелья?*

*А может, я для гор – чужак, изгой, Гарун?
Возможно ли? Душа моя – пустые ножны?
Пускаю корни я в чужой угрюмый грунт?
О Родина! Не верь! Все это – невозможно!*

*Под куполом небес вхожу, как в вечный храм,
В сиянье ранних рос, на отчие высоты.
Я не с войны пришел к родным своим горам,
Но радостью полна душа, как медом соты*

*(«Не на войну иду...»,
пер. И. Фаликова) [11, с. 8].*

Писатель хорошо усвоил завет Александра Твардовского: «Отвечать «за себя» – дело адски трудное, требующее наибольшей отдачи душевной и даже физической энергии, долгих лет выучки, главной и лучшей части твоего жизненного

срока, полного бескорыстия даже в помыслах» [31, с. 330–331].

Нафи Джусойты себя целиком и полностью отдает литературе. Лучшие стихи, написанные им во время войны и после войны, вошли в его первый поэтический сборник «Сердце солдата» («Салдаты зæрдæ», 1949). В художественном мире поэта нет увлекательных сцен [12, с. 172–179]. Ему свойственна образная конкретность: «песня жизни – песня любви».

В стихотворениях Нафи Джусойты «Осетинский солдат», «Когда, отступая, вернулись в Осетию», «Окопы», «Три раза писари меня хоронили» и других мы видим мужество и героизм советского солдата – борца против немецких оккупантов. Прав и автор предисловия книги Гафез [9, с. 7–8], и Х.-М. Дзуццати [25, с. 188], что стихи поэта составляют как бы одну целую поэму, где главным героем является красноармеец. Он – носитель мира. Хотя некоторые стихотворения в сборнике еще далеки от совершенства, но в них есть что-то неисповедимо привлекательное, как некоторые критики потом скажут – «простодушно-сердечное». Им мешает свободно, по-своему дышать то, что в них читатель улавливает знакомые звуки, типичные настроения. У молодых авторов это бывает от схожего восприятия в конкретных ситуациях, от недостатка оригинальности поэтического мышления.

В центре внимания поэта – обыкновенный воин Красной Армии, которых на войне было миллионы, и весь сборник – это его чувства, переживания и мечты. Автор рисует мужество и чувствительное сердце солдата кровопролитной войны. Не зря он назвал свой первый поэтический сборник «Сердце солдата». Об этом единодушно скажут все литературные критики: и его редактор, известный осетинский писатель Гафез [9, с. 5–9], и другие поэты и литературоведы: Хаджи-Мурат Дзуццати [25, с. 188–190], Георгий Гагиев [7, с. 200–209] и др.

Слово Нафи в осетинской поэзии, как и предполагается, было своеобразно, не походило на ту «поэзию», которую «творили» по «плану партии», хотя и у него было немало таких стихотворений в сборниках «Зæрдæйы ныхас» («Душевный разговор», 1952), «Лирикæ» («Лирика», 1955), «Ирыстыны сагъæстæ» («Думы Осетии», 1958), «Æз райгуырдатæн хохи» («Я родился в горах», 1960).

Но это было временно. За оригинальность его произведений некоторые их называли «похожими на переводы». Иронизируя по поводу таких утверждений, Хаджи-Мурат Дзуццати писал: «Стихотворения Нафи стали новым явлением в нашей поэзии. Они носили с собой новшество,

и когда некоторые не увидели в них свойства своих трафаретных, красивых, но пустых стихотворений, то им показалось, что они похожи на переводы» [24, с. 252].

Собственный голос талантливого поэта Нафи Джусойты окреп довольно скоро. В последующих книгах, особенно «В трудном возрасте» («Зын кары», 1962), поэт показал неординарную силу своего таланта. Его голос резко отличается от других. Тематика стихов быстро расширяется, его внимание охватывает разнообразные стороны духовного мира современника. Многие его стихи философичны, он разрабатывает темы глубокой, чистой любви, эстетической позиции поэта в жизни. Поэт заслуженно становится заповедной в осетинской поэзии. И вскоре главными темами его творчества становятся Родина, история Ирыстона, гуманизм, истинная дружба народов... Ему, как старому воину, небезразлично тревожное состояние человечества:

*Всю ночь слова, как из старинной башни,
идут из сердца, а пробьет рассвет –
они погибнут в схватке рукопашной,
погибнут все! Победы нет как нет...*

*А бой – везде. Сражаются мужчины
какой уж век у бездны на краю.
Но если б отчий край и был с овчину,
он все же ратник, он всегда в бою.*

*Телами слов усеян мир вчерашний,
черны бойницы, и в крови ручей.
Сегодня ночью опустела башня?
Жди завтра ночью боевых огней*

(«Ночные стихи», пер. И. Фаликова) [11, с. 17].

К великому сожалению это не только поэтический прием, но и чистая правда жизни. «Что мужество? Орел незрячий, // Когда в нем нету доброты» («Слова!») – вот чего нам не хватает больше всего.

Поэт справедливо недоумевает: «Ужели это мужество, ответь, // В стихах реветь израненным быком, // А в жизни блеять жертвенным бараном?» Он прав, когда кричит во весь голос: «Достоин ль мужа явно и тайком // Весь век блудить душой и языком, // Мотаясь меж аллахом и шайтаном?»

Настоящий мужчина в такой ситуации «с высоты призвания своего» должен бросить «в землю сердце, как зерно весной». Но, к великому сожалению, мы еще очень далеки от сознания этой истины. Наши амбиции чаще всего нас бросают в гущу кровопролития. И поневоле вспо-

минаются строки великого Александра Блока: «И вечный бой! Покой нам только снится // Сквозь кровь и пыль...» [2, с. 85]. А что это означает – и к чему ведет этот «вечный бой» целые народы, очень хорошо известно аксакалу Нафи Григорьевичу из истории наших далеких предков – скифов, сарматов, алан:

*Осетинская степь,
Мне о предках всю правду поведав,
Как наследство вручи
Письмена их и нравы, и речь,
Чтобы мог представлять я
Воочью страдания дедов,
Мог их гордую вольность
И дикую лихость беречь.*

*Слышен конницы топот
И посвист плетеных арканов.
И нельзя забывать
Ради истины, славы, любви,
Сколько воинов храбрых –
Бритоголовых аланов –
Под неправыми саблями
Рухнуло в травы твои*

(«Осетинская степь», пер.
Я. Козловского) [11, с. 10].

Каждый поэтический сборник Нафи Григорьевича – «В трудном возрасте» («Зын кары», 1962), «Безымянная книга» («Æнæном чиныг», 1967), «Тихие слова» («Сабыр ныхæстæ», 1973), «Вечерний свет» («Изæры рухс», 1988) и другие – в свое время были явлениями в осетинской художественной литературе. В них читатель находил что-то новое, еще не слышанное, что, к сожалению, нечасто встречается в искусстве слова.

Нафи Джусойты был одним из первых осетинских поэтов, которые в осетинскую поэзию внесли образное видение нового качества. Стихотворение «Ночь в горах» в переводе его близкого друга Якова Козловского может служить иллюстрацией этого наблюдения:

*Как плакальщица, тьма в ауле горном,
Накрапывает дождик у окна.
Тьма?
То не мать ли в одеянье черном?
Дождь?
То в слезах ли не моя жена? [11, с. 67].*

Хаджи-Мурат Дзущати стоял за ассоциативную образность в осетинской поэзии: «Фæлгонц цас фылдæр æмæ ногдæр ассоциатитæ æвзæрын кæна, уыйас йæ ахадындынад у бæрзонддæр» («Чем больше новых ассоциаций

вызывает образ, тем его значимость выше»), – и утверждал, что они работают и живут по высшей логике искусства – «по поэтической логике» [24, с. 147]. Оценивая художественные произведения такими критериями, невозможно не вспомнить великолепный, большой цикл стихов Нафи Джусойты «Стихи, не сказанные матери», переведенные на русский язык Н. Орловой и М. Синельниковым.

Когда не стало матери лирического героя, отцовский очаг осиротел, «да уж мать не позвать», ему «вовек не откликнуться ей...», тогда на мысль ему приходит старинное, суровое проклятие – «пусть закроется дверь за тобою!». А все равно ждет ее возвращения.

*День пришел второпях,
Ты не вышла навстречу,
Сохнут кадки в сених,
Приближается вечер.*

*И порог не мели,
И не верит он снова,
Что в такой ты дали,
Где не слышится зова.*

*Дом – как высохший рог,
Пусть очаг обветшалый.
Жизнь ушла за порог,
За тобой убежала.*

*Замер дом-сирота
И молчит бездыханно.
Настежь – дверь... Пустота –
Словно рваная рана [17, с. 162].*

Как вспоминают покойных матерей свои дети-поэты, примеров немало. Евгений Осетров, говоря о Родине Сергея Есенина, вспоминает: «Русские женщины пестовали детство многих замечательных поэтов и музыкантов. Вспомним пушкинскую няню Арину Родионовну, вспомним бабушку Максима Горького... По всеобщей молве, такой же необыкновенной женщиной была мать Есенина – Татьяна Федоровна. Она надолго пережила своего знаменитого сына (умерла в 1955 году), и ее отлично помнит все село. Говорят, что не было народной песни, бытующей в Приокском крае, которую не знала бы Татьяна Федоровна. Крупные художники слова восхищались ее колоритным разговором, и филологи, беседовавшие с ней, отмечают, что ее язык напоминал «золотую словесную грудку», встречавшуюся в речи персонажей Лескова, в пьесах Островского, в книгах Леонова и Шолохова» [28, с. 650].

И сколько бы таких нужных воспоминаний можно собрать о родителях и близких наших деятелей культуры! Это наша история, но нам до того безразлична судьба наших знаменитостей, что даже забываем о нашей истории, не то что о чьих-то родителях. Что и нашим старшим, и нам непростительно.

Но, все-таки, не хочется прервать воспоминания о матери Есенина. Потому что такие светлые воспоминания можно собрать и о родителях наших писателей. Евгений Осетров вспоминает: «Душевная красота и светлый разум производили огромное впечатление на односельчан, на всех, с кем приходилось общаться Татьяне Федоровне. Поэт Александр Филатов посвятил ей свою поэму «В приокском селе, под Рязанью...». В произведении, между прочим, есть следующий эпизод. Заезжий иностранец говорит матери поэта, что ей надо бы жить в богатой вилле, а не в крестьянской избушке, что:

*«Россия о вас позабыла,
Есенинский стих – не в цене...»*

На эти слова героя поэмы гневно отвечает:

*«Иди своей тропкой убогой
И там у себя куролесь,
А русскую землю не трогай
И в русскую душу не лезь.
Горжусь, что такого поэта
На славной земле родила.
Она моим сыном воспета,
Она моим сердцем согрета
И мне теперь трижды мила!...»*

[28, с. 650–651].

Это – достойный ответ матери поэта. Мать Сергея Есенина только так могла ответить. И все, что говорит о матери Нафи Григорьевич, все подробности и детали ее жизни, которые он вспоминает и смакует, создают сходный образ и вызывают безусловное доверие читателя.

И хотя Нафи уверяет нас, что «Незаметная горская мать умерла – // И жила незаметно, и тихо уснула», все же «солнце рухнуло наземь». Народ знает, что «богу – богово, кесарю – кесарево». Потому «пришли попрощаться по свежим сугробам и оплакали горе, равно» ему, сыну, «близки и родной, и чужой»: «Так печально глядели аульские дети, // Словно мать хоронил здесь не я, а они».

Когда горе одного человека становится горем народа, то это равнодушным не оставляет уже никого. Тем более сына. А если сын еще и поэт, то невозможно, чтобы боль из его груди не

вырвалась в виде поэтической скорби:

*Ее блаженством было жизни чудо –
Не человека только – дивным дивом
Козленок почитался и, коль худо,
То у нее защиту находил он.*

*Щенка слепого оставляли в чаще, –
Она о нем печалилась, бывало, –
«Все ж он душа живая, не пропащий...»
Под печкою его отогревала.*

*Не мог птенец проклюнуться, усталый, –
Она ломала дверь темницы белой,
Случайный колос у дороги вянул –
Из пригоршни полить его умела.*

*А слабых больше всех она любила –
Детей, телят и всходы, из-под спуда
Земли проросшие, – ко всем благоволила –
Ее блаженством было жизни чудо [17, с. 863].*

Или:

*Я знаю точно – солнце закатилось,
Как саваном, укрыто плотной тьмою,
Но кликнуть мать – и сразу – так
помстилось –
Она в дверях возникнет предо мною.*

*Как будто вышла соли дать коровам
И возвратится – стоит подождать?
Да вдруг случится заблудиться снова?..
Боюсь окликнуть. Не могу позвать
(«Стихи, не сказанные матери», пер.
Н. Орловой и М. Синельникова)
[17, с. 863].*

Китайский философ-материалист Ван Чун утверждал: «Пытаясь познать небо, исходят из человека; источник подобного истолкования неба – человек» [5, с. 246]. Несмотря на то, что стихотворения нашего поэта растут из правды земной жизни и в этом смысле реалистичны, – все-таки они, как цветы и деревья, тянутся к небесной чистоте и бесконечности. В этой связи, как ни странно, мы не можем не вспомнить «Стихи об одиноком бизоне». Не только потому, что там тоже говорится о судьбе родителя. Оно содержит большой обобщающий смысл.

Лирический герой был «с детства обучен на скалах отвесных волю чужую ценить, собственной воли сродни», потому и ненавидит «остроги» для душ бессловесных.

Поэт согласен стрелять в виновного хищника, «но жестоко и дико невинного в клетке держать».

И многие звери – и мудрый индийский слон, и в своей доброте ошалелый медведь, и словно культа слуга и начетчик попугай – как будто привыкли к своей судьбе. А дикий бизон – «под-небесного леса владыка скорбный рев издает». Его железные мышцы давно ослабели, «словно в ногу его укусила коварно змея», но не забывает родные края.

*Он в неволе живет,
будто горная речка в запруде,
И, последний в роду,
без потомков остаться готов,
Чтобы им не могли
уготовить надменные люди
Вот такую же долю
вдали от кавказских хребтов.*

*Плен – то плен одному,
смерть – то смерть одному,
И оплакана молча
им гибель бизоньего рода.*

Автор согласен с мнением дикого бизона – «он не баран, что в неволе готов без печали сладко сено жевать и плодиться на радость другим». Многие нынешних либеральных демократов, роль которых при тоталитаризме была, мягко говоря, двусмысленной и которые, по словам Солженицына, были арестованы с «врагами народа» по нехватке «плана», сейчас делают из своей «судьбы» большую политику. Современный либерал бьет себя в грудь и утверждает, что только он был патриотом; думается, что если бы он прочитал Нафи, он бы возрадовался: вот, дескать, я называл советскую систему зверинцем, а вы молчали.

Но Нафи Григорьевич не систему и Союз называл зверинцем. Он всегда, как полагается настоящему коммунисту, был предан идее. Его мысль яснее ясного: «Социализм (коммунизм) не вымысел, не миф, как пытаются представить его псевдодемократы, а наука о возникновении, развитии и будущем человеческого общества» [19, с. 277]. Другое дело, что он ничего не прощал тем, которые мешали и мешают народу строить свое свободное будущее.

Алим Теппеев писал: «Конец 1980-х – начало 1990-х... То было для страны время общего затмения, когда даже очень разумные люди теряли ориентиры, не ведали, что творили. И такие мудрецы-мыслители – поэты, философы, филологи, – как Нафи Григорьевич, были в этих условиях волей-неволей обречены на поражение. Я видел, как остро, сердцем, реагировал Нафи на глумление «демократов» над такими святыми

понятиями, как дружба народов и дружба национальных литератур» [32].

Нафи и теперь остался таким. Никогда не изменял и не изменяет своим принципам. Отсюда и образ дикого, свободолюбивого и непокорного бизона:

*Гордый духом бизон,
не унизь своей скорби и боли,
Заклинаю тебя там,
где горная встала гряда:
Независимость духа
храни ты достойно в неволе
И покорным бараном
в зверинце не стань никогда!*
[11, с. 80 – 83].

Я не ставлю под сомнение перевод Якова Абрамовича Козловского, но, как в свое время утверждал В. Брюсов, «создания искусства вечны» [3, с. 238]. Оригинал мне кажется намного сильнее:

*Æфсымæр, хъæддаг гал!
Иунæг нал дæ, æз – дыккаг.
Багъæц уал.
Лæгдзинад æвæстаг нæ вæййы,
лæгдзинад мах у.
Ныр та уал, æфсымæр,
аскъуыйæд фæлтау дæ мыггаг,
Фæлæ макуы су,
фысау,
æрмахуыр!*

В подстрочном переводе данная строфа, – она является и финалом стихотворения, – будет выглядеть так:

*Брат мой, дикий бык!
Ты уже не одинокий, я – второй.
Потерпи.
Мужество не пропадает бесследно,
мужество на нашей стороне.
А пока, брат мой,
лучше останься без потомков,
Но никогда не становись,
как баран,
прирученным!*

Безусловно, стихотворение своим свободолюбием, своей ритмичной покоряет сердца. Таких первоклассных, свежих стихотворений не только в осетинской, но и в советской поэзии нелегко было найти.

Когда в середине прошлого столетия начали говорить: «В послевоенные годы лирика Джу-

сойты, сохранив верность реалистической детализации, сильно разветвляется, развивается в направлении широкого охвата самых разнообразных сторон богатого внутреннего мира нового человека» [6, с. 159], – то такой разговор имел крепкую основу. Это свойство слова и ныне не оскудело в творчестве писателя. Его творчество – многожанровое и, как видим, многогранное. «Нафи Джусойты создал целый мир художественных творений, образов и картин, мир научных исследований, поразительных по своей глубине эстетических и этических мыслей» [8, с. 4], – отметила в своей монографии литературовед Аза Газдарова, характеризуя художественные и научные труды Нафи Джусойты.

Достигая все большего мастерства, художник неизбежно расширяет свою свободу. В таком аспекте видит Нафи долг настоящего мастера словесности. А.С. Пушкин говорил о поэте: «Ты сам свой высший суд» [29, с. 225]. Нафи Григорьевич Джусойты твердо идет этой дорогой и не удивительно, что он такой:

*Кинжал в ножнах и в сердце слово,
Но им обоим грош цена,
Когда безмолвствуют сурово,
А рядом честь оскорблена.*

*И стихотворцы, словно старцы,
Когда в трагические дни
Рожать способны только фарсы,
В бескрылой немощи они.*

*Тот над врагом кинжала властно
Не вознесет,
                        в ком робок дух,
Кто проклинать привык безгласно
И чаять лучшего не вслух.*

*Не жди пророчеств от такого
И на подмогу не зови.
Кинжал в ножнах и в сердце слово,
Но нет ни гнева, ни любви*

(«Поэт») [11, с. 15].

Нафи Джусойты не только в поэзии, но во всех жанрах является таким. В осетинской литературе по всем параметрам не зря заняла заслуженное место сочная и привлекательная проза Нафи Григорьевича. С первых произведений писателя, – в этот жанр он вошел с циклами новелл «Думы путника» («Бæлццонны сагъæстæ») и «Я снова пришел» («Æрцыдтæн та ногæй»), – можно было догадаться, что в жанре прозы появился писатель широкого и сильного размаха крыльев. Его рассказы, повести и романы не только те-

матикой, но и жанровой формой обогатили осетинскую художественную литературу. В них мы видим не только исторических («Кровь предков») и сказочных персонажей («Слезы Сырдона»), но и широкую жизненную панораму времени. Многие его произведения в прозе диалектически раскрывают сложные переплетения своеобразных людских судеб («Реки вспять не текут»). Потому они постоянно привлекают к себе многочисленных читателей.

Повести Нафи Джусойты принесли автору и – в его лице – осетинской литературе не меньше известности, чем романы. «Обида старого охотника» («Зæронд цуаноны тæргай»), «Белый-белый снег» («Урс-урсид мит»), «Песнь в два голоса» («Зарæг дыууæ хъæлæсæй») и особенно «Возвращение Урузмага» («Адæймаджы мæлæт») прозвучали громко и актуально, а в осетинской литературе обогатили жанр повестей лирико-философского характера. Проза Нафи отличается не только своим лирико-философским характером, но и манерой ведения рассказа, композицией, образом хозяина жизни. Каждый его рассказ или повесть являются развернутым монологом его литературных героев. Но в то же время – раздумьями писателя о происходящем. Плюс к этому все его мысли связаны с Родиной. На весь мир и на вселенную вокруг нас он смотрит глазами своего Иристана. И когда совесть народа, – по-другому нельзя назвать гордость нации, коим является писатель, – на мир смотрит глазами своей нации, то в нем ее спасение. Для Нафи весь мир – Иристон, Иристон – весь мир. Оба для него так взаимосвязаны, что одно без другого не может существовать на этой благодатной земле:

*Народ мой мал,
                        но горд и правомочен
Не менее великого народа,
Чей однодневный труд кормить способен
Державу всю в течение недели.*

*Народ мой мал, но смел и уважаем
Не менее великого народа,
Чей вздох один способен вызвать бурю
На голубых широтах океана.*

*Я – сын немногочисленного рода,
Но входит мой народ в семью большую,
И в ней, как искони ведется в семьях,
Меньшого больше остальных лелеют
                        («Я – сын немногочисленного рода...») [15, с. 28].*

Это не что иное, как эхо и развитие знамени-

того лирического построения Коста Хетагурова, отражение света «редкой породы светил» [21, с. 99]:

*Весь мир – мой храм, любовь – моя святыня,
Вселенная – отечество мое...*

(«Я не пророк...») [35, с. 214].

Предмет изображения Нафи – целое мироздание. За примерами далеко ходить не нужно – их достаточно в любом произведении Нафи Джусойты, на любой странице: «Небо высоко-высоко. Синее-синее и округлое. Выгнулось, что днище опрокинутого пивного котла. А под ним – горы. Ма-аленькие, словно черно-белые камушки. А до дна неба и глазу не достать и орлу не взлететь. А ниже плывут облака – белые, будто из козьего пуха. И плывут тихо, с лентой, как мальки форели в речной заводи. Еле плавничками шевелят...

А солнце выше неба! И катится аробное колесо по крыше неба. Мохнатые лучи козьим молоком пахнут. Льются на землю, что тугие струи из козьего вымени. И больно лупят по земле, по траве, по зеленым ладоням листвы, по жесткой шкуре камней...» [16, с. 3].

Автор все описывает так любовно, так конкретно, образно, что не хочется прерывать чтение: «Высоко небо, но солнце выше. А над солнцем никого нет. Правда, мать говорит – еще выше сидит бог Хуцау, но, сколько ни гляжу, никого не видать... Нет, солнце выше всех! А под ним синее-синее небо, и все горы, и всю землю обняло. За горами тоже небо, я видел, когда прошлым летом на перевале чернику собирали. Всюду небо, и нет ему ни конца ни краю. А под ним облака и орлы. А под облаками горы и люди. И земля, а на земле мы все – деревья, трава, речка, я и мои козы. А самое большое дерево на земле – Пастушья чинара... На небе – солнце, на земле – Пастушья чинара! А под ней в тени – я и мои козы и козлята...» [16, с. 3] (Перевод Нафи Джусойты). Так красиво и интересно раскрывается большой мир перед маленьким героем писателя.

Герои рассказов и повестей Нафи Григорьевича – люди старшего поколения и молодые наши современники – мужественные, принципиальные и добрые. Автор вместе с ними размышляет о месте человека на земле и о времени.

Известный литературовед Л.И. Тимофеев утверждает: «Говоря о том, что искусство образно отражает действительность, мы имеем в виду и содержание, и форму, и общественную функцию искусства» [33, с. 63]. Без сомнения, сюда относится и образ героя. А уважаемый Нафи всегда

так рисует образы своих положительных героев, что, следя за их характерами, читатель, безусловно, становится чище душой, ярче характером, обширнее мыслями. Характеры его героев раскрываются в их речи, в их делах: «Это так считается – пять дворов, но людей в них на одну прежнюю семью не станет. В четырех домах – три старика и четыре старухи. Четвертая – это я, Дочь Бату, так меня зовут с тех пор, как здесь живу. И только в одном живут муж, жена да трое детишек.

Да и что за дворы, что за село!.. Так, с виду только... Но пока дымят сугробы, село так и будет называться прежним громким именем – Пристанище Орлов!.. Какие там орлы – одни старики и старухи!..» [16, с. 246].

О повестях Нафи можно говорить много – они глубоко своеобразны, – достаточно выслушать мнение А. Теппеева: «...повести, как «Возвращение Урузмага», «Обида старого охотника», «Белый, белый снег», «Песнь в два голоса» и другие, составляют одну из ярких страниц не только богатейшей осетинской, но и всей северокавказской прозы. Я считаю, что «Возвращение Урузмага» – это одно из самых выдающихся ее полотен, в котором глубоко и очень точно вылеплен осетинский национальный характер... это очень личная, по существу исповедальная-завещательная прозаическая вещь, написанная светлым и мудрым человеком, который всю жизнь честно и просто служит родному Слову» [32]. Успех произведения в самобытном видении жизни: «Без самобытного видения мира нет художника» [23, с. 20], – говорит Нафи. Об актуальности повести «Возвращение Урузмага» говорит и то, что она почти одновременно была переведена еще и на украинский и польский языки.

Нафи Григорьевичу как мастеру прозаического слова все-таки первую всенародную известность принес его историко-героический роман «Кровь предков». В осетинской литературе этот роман – героическая песнь благодарного потомка в честь благородных предков («Безмолвная песня») – является первым настоящим историческим романом. Автор рассказывает о борьбе свободных горцев-осетин Чесельтского ущелья, Дзауского района в Южной Осетии против владельческих притязаний грузинских ненасытных доносчиков-алдаров (князей) в 1830 году.

Тогда карательная экспедиция России под предводительством генерала царской армии Ренненкампа совершила свой кровавый поход в Южную Осетию. Грузинские алдары натравливали русских на свободолюбивый осетинский народ, всячески клеветца и обвиняя их в непокорности царю, в отказе от уплаты дани, в абре-

честве, в непризнании себя подданными царя и т. д.

Свободные, непокорные осетины-крестьяне встали против трехтысячного войска генерала Ренненкампа, вооруженного пушками, сопровождаемого многочисленной грузинской милицией. Царская власть России поддержала грузинских захватчиков. Результатом таких провокаций грузинских феодалов стали неравные бои и жестокая расправа над лучшими сынами Осетии. И хотя в таком неравном поединке крестьяне потерпели поражение, но их свободолюбие не было сломлено. Борьба продолжалась, пока царь не признал горцев государственными свободными крестьянами: «В период первой половины XIX века в Юго-Осетии происходили массовые выступления. Особенно крупными были восстания 1804, 1810–1812, 1830, 1840 и 1850 годов. Крестьяне ущелья Большой Лиахвы отстаивали свою вольность и личную свободу от притязаний помещиков. В феврале 1851 года правительственный сенат России признал незаконными притязания князей Мачабели на крепостное право над осетинами» [30, с. 353].

Но писатель остановился на 1830 г. и подробно, любя и осетинских, и русских (в лице Олега – Алæга) тружеников, написал картину национально-освободительной борьбы своего народа.

В романе созданы живые образы положительных героев. Читатель не желает расставаться с ними. Ему близки настоящие мужчины, исторические личности Ака Кабысты и Бега Коцты; но не менее привлекательны образы Курмана Тотоева, Кандила, Темла, Солтана, Алага и других. Чем они привлекательнее, тем ненавистнее становятся отрицательные герои романа. Чего стоит только один поступок ненасытного алдара Бардзима Мачабели в Чесельтском ущелье! Когда они приехали в Чесельт с приставом Васильевым, чтобы собрать дань (не для русского царя, разумеется, а для своей выгоды), и из этой затеи у них ничего не получилось, то появилась у них другая идея, достойная только слабоумия и «чести» Мачабели – на пастбище у детей отнять телят и угнать их.

Каждый герой романа живет своей жизнью, у каждого свой характер, но в то же время каждый из них выполняет свои художественные функции в динамичном и сбалансированном сюжете. В том числе и не отраженный до того в художественной литературе образ первого осетинского поэта-просветителя Иуане Агузаты, кем в свое время восхищался блистательный осетинский поэт, переводчик и литературный критик, близкий друг Нафи Григорьевича Георгий Бестауты. У осетинского просветителя Иуане Агузаты не

осталось даже ни одной фотографии, не то что воспоминаний, но Нафи Джусойты нарисовал его образ с такой достоверностью, что надобность в фотографическом портрете первого осетинского поэта отпала сама собой [1]. Действительно, «Нафи Джусойты показывает национальные характеры; его герои – благородные, красивые, мужественные люди, которые дорожат своей честью» [8, с. 34], – читаем у Азы Газдаровой.

А в целом роман «Кровь предков» Нафи Джусойты, со всеми его переплетениями и головокружильными пропастями жестокого времени, ярко и всесторонне показывает жизнь горной Осетии в середине XIX века. И, несмотря на разные мнения, не зря он стал хрестоматийным со дня его появления [18]. Но настоящие споры вызвала диалогия писателя «Слезы Сырдона» («Сырдоны цæссыгтæ», 2005). В романе автором показана широкая панорама жизни нартского общества, о котором повествует осетинский народный эпос.

В произведении Сырдон становится спасителем беднейших слоев нарта от гибели, носителем доброго и светлого в жизни, хотя в эпосе он является порой губителем нартского народа. Потому роман вызвал много противоположных взглядов.

Аза Хадарцева говорила: «...в романе «зло нартов» – Сатана, а не Сырдон, как в эпосе. Это уже не просто изменение мотивов действий, это другой характер, в котором вместо гибкого ума и женственности (образ хотя и знаменует остатки матриархата, но не исключает подобных качеств в женщине) – грубость, отсутствие эпического начала. И это все о Сатане, которая спасла нартов в голод, к которой нарты шли за мудрым советом и помощью» [34, с. 11]. По Георгию Дзугаеву, нарт Урузмаг в романе не является мудрейшим аксакалом [23]. А Георгий Дзадтиаты даже упрекал автора в том, что придуманные им новые имена героев по стилистике не совпадают с именами героев нартского эпоса [22]. Но автору удалось с начала до конца пронести главную идею произведения – не грубая сила, не жестокая борьба, а человеколюбие побеждает в жизни; только оно приносит счастье народу. Автор перед собой не ставил задачу подражания сюжету гениального эпоса. Потому права Аза Газдарова, в частности констатировавшая: «Н. Джусойты показывает мир насилия, в котором подавляется воля личности, попираются права простого труженика. Трагична судьба Сырдона, мыслителя и создателя, в обществе суровых воителей, где закон и мораль диктуются силой оружия. Роман вызвал неоднозначную реакцию литературной общественности. Мифические образы в интерпрета-

ции писателя преобразились и критически воспринимаются защитниками «чистоты» эпоса. Но задачей писателя было не точное переложение эпических сюжетов, а создание современного романа, исследование природы насилия, поведения человека в экстремальных условиях. События XX столетия подтверждают предвидение писателя-мыслителя. Многоцветная поэтика романа «Слезы Сырдоны», эпическое повествование прерывается лирическими отступлениями, в которых раскрывается авторский взгляд на происходящее» [8, с. 135–136].

Факт то, что роман способствовал появлению разных широкоформатных произведений в осетинской литературе, в том числе известных романов «Седьмое путешествие нарта Сослана» Михаила Булкаты [4] и «Нарт Фарнаг» Сергея Хугаты [36]. Это тоже говорит об его успехе в жанре осетинского романа.

Никакой жанр в художественной литературе, литературной критике и литературоведении для Нафи Джусойты не чужд. Он одновременно активно работает во всех жанрах и везде, можно утверждать без сомнения, добивается больших успехов. В свое время его стихотворная трагедия «Азау и Таймураз» («Азау æмæ Таймураз»), написанная по мотивам новеллы Сека Гадиева «Азау», была с удовлетворением принята осетинским зрителем. Произведение отражает жизнь дореволюционных крестьян Осетии, но во многих аспектах материал трагедии соотносится зрителем с современностью.

Помимо указанной трагедии на сцене Юго-Осетинского государственного драматического театра были поставлены спектакли по одноименным пьесам Нафи Джусойты: «Венера – утренняя звезда» («Бонвæрнон – сæууон стъалы»), «Или – свобода, или – смерть» («Кæнæ – сæрибар, кæнæ – мæлæт»), «Забывтая песня» («Рох зарæг») и другие.

Нафи Джусойты является выдающимся литературоведом и литературным критиком. Его фундаментальные исследования по истории осетинской литературы и литературоведческие труды хорошо известны не только в Осетии и на Кавказе, но и в ближнем зарубежье.

Автора серьезно занимают художественные завоевания многих классиков мировой литературы. Он особенно интересуется вопросами взаимодействия разных национальных литератур и их ведущих художников. Об этом свидетельствуют его работы – «Книга друзей» [14], посвященная творчеству известных северокавказских писателей, и «Книга друзей и наставников» [13], посвященная общим проблемам развития литератур народов бывшего Советского Союза. Он избран членом Международной ассоциации литературных критиков в Париже (МАЛК).

Нафи Джусойты переводит много произведений из братских литератур на осетинский язык. Благодаря ему на осетинском языке звучат многие произведения А. Пушкина (в том числе и «Евгений Онегин»), Н. Некрасова, Л. Толстого, А. Чехова, А. Блока, Т. Шевченко, О. Туманяна, Я. Коласа, Р. Гамзатова и многих других.

На осетинский язык Нафи перевел стихи Коста Хетагурова и поэму «Фатима», написанные на русском языке, и издал их отдельной книгой – «Вселенная – отечество мое» («Дун-дуне – фыдыбæстæ мæнæн», 2014). Благодаря Нафи Григорьевичу на осетинском языке мы читаем основоположника абхазской литературы Дмитрия Гулиа («Мой очаг» / «Мæ ардзæст». Стихи и поэма, 1988), балкарского поэта Кайсына Кулиева («Балкарская свирель» / «Асыг уадынз», 2002), русского гения Михаила Лермонтова («Я люблю Кавказ» / «Æз уарзын Кавказ», 2014), украинского народного поэта Тараса Шевченко («Мои думы» / «Мæ сагъæстæ», 2014), целую «Библиотеку классической драматургии» («Классикон драматургийы библиотекæ») в 4 томах...

«Такая многогранность дарования, – говорил Кайсын Кулиев, – вызывает со стороны его товарищей и собратьев большое уважение к нему. А еще необходимо добавить к этому прекрасные человеческие качества Нафи – благородство, честность, совестливость, верность в товариществе и дружбе, пылливость и широту интересов» [27].

Нафи Григорьевич Джусойты перехитрил народную мудрость – побежал за двумя зайцами – и преуспел, как в художественной литературе, так и в науках.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бестауты Гиуæрги.** Уацмыстæ. 3 т. Т. 3. – Дзæуджыхъæу, 2004.
2. **Блок А.** Собр. соч. в 6 т. Т. 2. – Л., 1980.
3. **Брюсов В. Я.** Сочинения в 2 т. Т. 2. – М., 1987.
4. **Булкаты Михал.** Нарты Сосланы æвдæм балц. – Цхинвал, 1988.
5. **Ван Чун.** Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1, ч. 1. – М., 1969.
6. **Гаглоев Ф. Нафи Джусоев // Гаглоев Ф. и Джусоев Н.** Писатели Советской Осетии. – Сталинир, 1957.
7. **Гаджиты Георг.** Уацмыстæ. – Дзæуджыхъæу, 2012.
8. **Газдарова Аза.** История и современность в художественной интерпретации Нафи Джусойты. – Владикавказ, 2002.
9. **Гафез.** Раздырд / Джусойты Нафи. Салдаты зæрдæ. – Сталинир, 1949.

10. Джусойты Нафи // Коста. Дун-дуне – фыдыбæстæ мæнæн. – Дзæуджыхъæу, 2014.
11. Джусойты Нафи. Доброта. – М., 1969.
12. Джусойты Нафи. Ирон аив дзырды сæрвæлтау. – Цхинвал, 1966.
13. Джусойты Нафи. Книга друзей и наставников. – Владикавказ, 2011.
14. Джусойты Нафи. Книга друзей. – Нальчик, 2003.
15. Джусойты Нафи. Мой горный край. – М., 1963.
16. Джусойты Нафи. Реки вспят не текут. – М., 1981.
17. Джусойты Нафи. Стихи, не сказанные матери // Коллектив авторов. Антология литературы народов Северного Кавказа (поэзия). – Пятигорск, 2003.
18. Джусойты Нафи. Фыдæлты туг. – Цхинвал, 1965.
19. Джусойты Нафи. Царды æвидигæ сагъæс. – Цхинвал, 2009.
20. Джусойты Н. У порога зрелости // Дружба народов. – 1968. № 7.
21. Джыккайты Шамил. Нæ вæййы рухсæн сау талынгæ ингæн // Фидиуæг. – 2000. № 1.
22. Дзæдтиаты Гуарги. Сырдоны цæссыгтæ / Советон Ирыстон, 1982. 11 июнь.
23. Дзугаты Георги. Сырдоны цæссыгтæ / Советон Ирыстон, 1980. 26 март.
24. Дзуццаты Хадзы-Мурат. Рæстæг æмæ литературæ. – Цхинвал, 1985.
25. Дзуццаты Хадзы-Мурат. Хæст æмæ зæрдæ. – Цхинвал, 1966.
26. Из архива автора.
27. Кулиев К. Поздравляем юбиляра / Литературная газета. – 1975. – 8 январь.
28. Осетров Евгений. На родине Есенина / Коллектив авторов. В мире Есенина. – М., 1986.
29. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т. 2. – М., 1974.
30. СССР. Грузинская Советская энциклопедия. – Тб., 1981.
31. Твардовский А.Т. Собр. соч. в 6 т. Т. 5. – М., 1980.
32. Теплеев Алим. Аланский всадник / НВ, 1912. – 20 март.
33. Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. – М., 1976.
34. Хадарцева А.А. К проблеме фольклора и литературы: на примере романа «Слезы Сырдоны» // Литературная Осетия, 1982. № 6.
35. Хетагуров Коста. Соб. соч.: в 3 т. Т. 1. – М., 1974.
36. Хуыгаты Сергей. Нарты Фарнæг. – Дзæуджыхъæу, 2005.

SONG LEFT TO PROSPERITY: WORLD OF ART BY NAFI DZHUSOYTY

Casity M.R.

PhD in Philology, Assistant Professor of Ossetian literature South Ossetian State University named after A. Tibilov, co-chairman of the Writers' Union of Ossetia.

Abstract. This article examines the main aspects of the ideological and artistic creativity by Nafi Dzhusoity - primarily poetry and prose. The specifics of its imagery and artistic thinking is revealed on the extensive material.

Keywords: lyrics, lyrical hero, image, prose, Ossetian culture, tradition, literary translation.

REFERENCES

1. Bestaity Giuaergi. Uatsmystæ 3 t. T. 3. – Dzæudzhikh"æu, 2004.
2. Blok A. Sobr. soch. v 6 t. T. 2. – L., 1980.
3. Bryusov V. Ya. Sochineniya v 2 t. T. 2. – M., 1987.
4. Bulkaaty Mikhal. Narty Soslany ævdæm balts. – Tskhinval, 1988.
5. Van Chun. Antologiya mirovoy filosofii: v 4 t. T. 1, ch. 1. – M., 1969.
6. Gagloev F. Nafi Dzhusoev // Gagloev F. i Dzhusoev N. Pisateli Sovetskoy Osetii. – Stalinir, 1957.
7. Gadzhity Geor. Uatsmystæ. – Dzæudzhikh"æu, 2012.
8. Gazdarova Aza. Istoriya i sovremennost' v khudozhestvennoy interpretatsii Nafi Dzhusoity. – Vladikavkaz, 2002.
9. Gafez. Razdyrd / Dzhusoity Nafi. Saldaty zærdæ. – Stalinir, 1949.
10. Dzhusoity Nafi // Kosta. Dun-dune – fdy-bæstæ mænæn. – Dzæudzhikh"æu, 2014.
11. Dzhusoity Nafi. Dobrota. – M., 1969.
12. Dzhusoity Nafi. Iron aiv dzyrdy særvæltau. – Tskhinval, 1966.
13. Dzhusoity Nafi. Kniga druzey i nastavnikov. – Vladikavkaz, 2011.
14. Dzhusoity Nafi. Kniga druzey. – Nal'chik, 2003.
15. Dzhusoity Nafi. Moy gorny kray. – M., 1963.
16. Dzhusoity Nafi. Reki vspyat ne tekut. – M., 1981.
17. Dzhusoity Nafi. Stikhi, ne skazannye materi // Kollektiv avtorov. Antologiya literatury narodov Severnogo Kavkaza (poeziya). – Pyatigorsk, 2003.
18. Dzhusoity Nafi. Fydælytug. – Tskhinval, 1965.
19. Dzhusoity Nafi. Tsardy ævidigæ sag"æs. – Tskhinval, 2009.
20. Dzhusoity N. U poroga zrelosti // Druzha narodov. – 1968. № 7.
21. Dzhuykayty Shamil. Næ væyuy rukhsæn sau talyng yæ ingæn // Fidiuæg. – 2000. № 1.
22. Dzedtiaty Giuaergi. Syrdony tsæssygtæ / Soveton Iryston, 1982. – 11 iyun'.
23. Dzugaty Georgi. Syrdony tsæssygtæ / Soveton Iryston, 1980. – 26 mart.
24. Dzutstaty Khadz y-Murat. Ræstæg æmæ literaturæ. – Tskhinval, 1985.
25. Dzutstaty Khadz y-Murat. Khæst æmæ zærdæ. – Tskhinval, 1966.
26. Iz arkhiva avtora.
27. Kuliev K. Pozdravlyаем yubilyara / Literaturnaya gazeta. – 1975. – 8 yanvar'.
28. Osetrov Evgeniy. Na rodine Esenina / Kollektiv avtorov. V mire Esenina. – M., 1986.
29. Pushkin A. S. Sobr. soch. v 10 t. T. 2. – M., 1974.
30. SSSR. Gruzinskaya Sovetskaya entsiklopediya. – Tb., 1981.
31. Tvardovskiy A. T. Sobr. soch. v 6 t. T. 5. – M., 1980.
32. Teppeev Alim. Alanskiy vsadnik / NV, 1912. – 20 mart.
33. Timofeev L. I. Osnovy teorii literatury. – M., 1976.
34. Khadarts eva A. A. K probleme fol'klora i literatury: na primere romana «Slezy Syrdona» // Literaturnaya Osetiya, 1982. № 6.
35. Khetaurov Kosta. Sob. soch.: v 3 t. T. 1. – M., 1974.
36. Khuygaty Sergey. Narty Farnæg. – Dzæudzhikh"æu, 2005.